

ПЕРЕХОДНЫЙ ВОЗРАСТ

Ягодка-малинка,
Ягодка-малинка,
Медок,
Сахарок.
Вышел
Иванушка
Сам
Королек.

*Детская считалочка
XIX века*

ВОСЕМЬ

Лишь через несколько лет Марина поняла, что тот день — жаркое, пронзительно-солнечное августовское воскресенье — был последним хорошим днем в их жизни. Не то чтобы счастливым — просто хорошим.

В тот день они втроем гуляли по лесу (и она почти радовалась, что купила квартиру именно в Ясенево: где еще в Москве найдешь лес в десяти минутах ходьбы от дома?) и смотрели на птиц.

Птиц было необыкновенно много; захлебываясь сварливыми хриплыми криками, по-

хотливо разевая свои окостеневшие, древние клювы, они носились между деревьями — очень низко, почти над самой землей.

— Мам, они что, ловят тополиный пух? — спросил Максим.

— Вряд ли, — ответила она. — Наверное, они чувствуют, что скоро пойдет дождь. Птицы обычно ведут себя так перед дождем.

— Вот именно, — сказала Вика.

Максим недоверчиво оглядел безоблачное синее небо, потом — птиц. Нахмурился. Попробовал подойти к ним поближе, но птицы, возбужденно постанывая, улетели.

— Мам, а как они называются? — спросил Максим.

— Ну, наверное... стрижи? — рассеянно предположила Марина.

— Конечно, стрижи, — твердо сказала Вика. — Ты что, Максик, не знаешь, как выглядят стрижи?

— А ты что, знаешь? — огрызнулся Максим.

Обратно шли молча. Уже у самого дома Максим вдруг сказал:

— Мне тут не нравится.

— Почему? — удивилась мать.

Они переехали год назад, разменяв после развода большую старую квартиру на Таганской (мужу досталась однокомнатная в Марьине, а им — «двушка» в Ясенево), и все это время ей казалось, что дети вполне довольны.

— Тут все дома одинаковые. И некрасивые.

Марина обвела глазами нудные ряды коптившихся на солнце высоток, которые торчали из пыльной газонной зелени, словно гигантские бело-голубые кукурузные початки. Между ними, преодолевая сопротивление влажного, дрожащего, словно желе, воздуха, тяжело и сонно ползали потные люди, раскаленные машины.

— Зато свежий воздух, — устало сказала она.

— Э-ко-ло-ги-я, Максик, — прогнусавила Вика.

На следующий день Максим заболел — тяжело, с высокой температурой. Врач по-

ставил диагноз «острый отит — воспаление среднего уха». Три недели спустя он все еще валялся в постели — ни горячие компрессы, ни капли этилового спирта, ни растирания «вьетнамской мазью» не помогали. Так что детский праздник по случаю дня рождения (Максим и Вика были разнояйцевыми близнецами, и в это воскресенье им как раз исполнялось восемь) пришлось отменить.

День прошел ужасно. Максим безучастно вертел в руках подарок — водный пистолет, без всякого энтузиазма смотрел мультфильмы про космических пришельцев, много капризничал и требовал, чтобы хотя бы в день рождения ему не закапывали в ухо. Вика, узнав, что «девочки не придут», проревела несколько часов, вечером приготовила в маленькой алюминиевой кастрюльке, которую ей подарила тетя, салат из бумажек, колбасы, кусочков ваты, Максимовых таблеток и пластмассовых морковок, попробовала накормить салатом кота Федю, была за это наказана, снова ревела, а перед сном заявила, что уйдет к папе.

Когда дети заснули, Марина поплелась на кухню. Посидела немного над чаем. Отпила пару глотков, остальное вылила. Потом вымыла посуду, умылась, намазала лицо ночным кремом. Подошла к телефону и набрала номер.

— Да? — с сомнением отозвался сонный мужской голос на другом конце города.

— Почему ты не приехал? Дети тебя ждали.

В трубке заскрежетала, раздраженно громыхнула зажигалка.

— Какие-то помехи... Ты меня слышишь?

— Да.

— Почему ты не приехал?

— Я не успел.

— Не успел за весь день?

— Да.

— Что же ты такого важного делал?

Молчание. Влажной, холодной пятерней прилипнув к трубке, Марина напряженно слушала, как скребутся там, внутри, маленькие острые коготочки — царапают нежную телефонную пластмассу, ковыряются в кабеле, перепиливают провода.

— Что ты такого важного делал?

— Перестань.

Коготочки.

— Хорошо. Перестала.

— Как у вас вообще дела?

Она нажала на рычаг. Постояла немного у телефона, ожидая, что он перезвонит. Вернулась на кухню, увидела, что под столом стошнило кота. Убрала.

Через неделю кот сбежал.

В последнее время Федя вообще вел себя как-то странно. То суетливо прохаживался взад-вперед по подоконнику — шерсть дыбом, спина болезненно топорщится верблюжьим горбом. То вдруг запрыгивал на книжный шкаф и долго неподвижно сидел там, желтыми остекленевшими глазами таращась в пространство. И еще эти странные утробные звуки, которые он издавал, как чревовещатель, не открывая пасти... Заунывные, тягучие, потусторонние — нечто похожее, думала Марина, обычно звучит в фильме ужасов, перед тем как происходит самое страшное — мертвец оживает или в окне по-

является чье-то безумное окровавленное лицо.

В день побега кот наотрез отказался от еды и питья; несколько часов просидел на шкафу, размахивая напряженным, дрожащим хвостом. Потом вдруг громко зашипел, как новогодняя петарда перед взрывом, и решительно ринулся вниз, прямо на Максима, который мирно сидел себе в кресле и смотрел по телевизору мультики. Все произошло в считанные секунды. Продолжая шипеть, Федя — их толстый, всегда такой ласковый, такой ленивый кастрированный Федя — наотмашь ударил мальчика лапой по лицу, оставив у него на лбу четыре глубокие кровоточащие борозды. Потом, пролетев чуть не половину комнаты, одним прыжком вскочил на оконную раму (едва не свалился, но уцепился передними лапами и ловко подтянул грузное, нервно подрагивающее тело), весь подобрался, истерично мяукнул и выпрыгнул наружу через открытую форточку.

Марина выбежала на балкон и свесилась вниз, ожидая увидеть на земле полосатый трупик животного. Однако кот уже преспо-

койно трусил по тротуару куда-то вглубь дворов, словно полет с восьмого этажа был для него привычной ежедневной разминкой.

Больше Марина никогда его не видела. В тот вечер она немного побродила вокруг дома — совершенно безрезультатно — и вернулась обратно с некоторым облегчением. Что бы она стала делать с таким агрессивным котом, если бы он нашелся, было решительно непонятно. Лечить? Усыплять?

«Наверное, он заболел и ушел умирать», — решила Марина. На следующий день Максиму сделали прививку от бешенства.

Через три недели кот, испуганный и исхудавший, благополучно добрался до их старого дома на Таганской. Еще с месяц он жил на помойке, куда какая-то сердобольная тетушка ежедневно приносила молоко в металлической крышечке и мелко нарезанные сосиски. А когда наступили холода, сердобольная тетушка взяла Федю к себе и назвала его Марусей.

Он умер через десять лет — спокойно, от старости.

ДВЕНАДЦАТЬ

— У вас неблагополучная семья? — спросила Елена Геннадьевна, вежливо прикрывая пухлой ладошкой зевок.

— В каком смысле?

— В смысле — неполная? — задушевым голосом пояснила Елена Геннадьевна и придала своим мутно-голубым коровьим глазам, упиравшимся в бифокальные стекла, еще более вопросительное выражение.

— А при чем тут... — мрачно сказала Марина.

— Ну, я прослеживаю некоторую связь. — Елена Геннадьевна скрестила сметанно-белые, усеянные браслетами и пигментными пятнами руки на груди и явно приготвилась к долгой доверительной беседе. — У вашего мальчика имеют место нарушения психики. Это действительно очень серьезно.

Елена Геннадьевна была школьным психологом.

— Какие нарушения?

— Отсутствие внимания, неспособность сконцентрироваться, нарушения памяти, сон-